

Н.А. Кожевникова. Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв. М.: Институт русского языка РАН. 1994. 336 с.

Конец XX столетия отмечен процессом интеграции филологических дисциплин, их тесным взаимодействием на основании единства исследуемого объекта (языка во всех формах его бытия) и все возрастающего интереса к образу говорящего.

Если в лингвистике первых двух третей XX в. действовали центробежные силы: членился объект исследования и множились лингвистические дисциплины, между ними устанавливались границы и велся строгий контроль за их неприкосновенностью, — то литературоведение и стилистика художественной прозы всегда имели дело с целостным объектом (конкретным художественным произведением, конкретным идиостилем, единым историко-литературным процессом). Основанием любой из этих целостностей был человеческий фактор. Именно поэтому одной из важнейших проблем поэтики и стилистики художественной речи была проблема образа автора. "Образ автора — это не простой субъект речи... Это — концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого" [Виноградов 1971 : 118].

Образ автора — это не только "фокус целого" в художественном тексте, это не только основание общефилологического единства научного творчества В.В. Виноградова, проблема образа автора (образа говорящего) сегодня — это методологическая основа взаимодействия лингвистики и литературоведения.

Лингвистическая прагматика последней трети XX в. сделала основным объектом лингвистических исследований фигуру говорящего, а основной проблемой — проблему субъекта. Типология высказываний была соотнесена с типологией субъектов [Степанов 1981], выделены разные ипостаси субъекта [Падучева 1991], началось изучение эгоцентрических показателей в лексике и грамматике [Апресян 1986; Падучева 1991; Яковлева 1994]. Разграничение своего и чужого слова, внутренней и внешней точки зрения говорящего, прямого восприятия действительности и опосредованного восприятия информации — все эти проблемы лингвистика открыла для себя в последней трети XX века, а теория художественной речи изучала их на протяжении всего XX в. Но результаты иссле-

дований разнородного речевого хозяйства, проведенных в рамках стилистики художественной речи, оказались вне поля зрения лингвистов. Если для лингвистики начала века, основным объектом которой была фонема, понятно стремление "отгородиться" от других филологических дисциплин, то для лингвистики конца века, изучающей текст, невнимание к смежным филологическим дисциплинам оказывается фактором, тормозящим ее развитие.

Повествовательный монологический текст изучался и продолжает изучаться в рамках стилистики художественной речи (см., например, [Иванчикова 1992]). В русской филологической традиции термин "повествование" употребляется в двух значениях: (1) последовательная речь, рассказывание, последовательность высказываний, принадлежащих одному говорящему (то, для чего современная лингвистика использует термин "нарратив") и (2) один из трех коммуникативных типов речи (в ряду: повествование, описание, рассуждение), отражающий динамику событий; "собственно повествование". Повествование¹ непосредственно связано с проблемой точки зрения говорящего, со структурой образа автора. Этой зависимости и посвящена новая книга Н.А. Кожевниковой "Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв".

В послесловии к книге В.В. Виноградова "О теории художественной речи Д.С. Лихачев писал: «Многообразие образа автора и его функций не исчерпывается различиями "по горизонтали" — различиями самих творцов, их индивидуальных особенностей, различиями произведений и жанров, к которым они принадлежат. Наряду со статическими различиями существуют и различия исторические — различия "по вертикали". Исторические различия определяются общим развитием литературы, сменами литературных направлений, общественно-идеологическими переменами. Образ автора все время развивается в зависимости от изменения эстетических и идеологических идей эпохи» [Лихачев 1971: 217]. Н.А. Кожевникова соединила в своем исследовании оба направления — и "по горизонтали", и "по вертикали", представила все многообразие типов повествования, сосуществующих и сменяющих друг друга в культурно-историческом пространстве русской литературы XIX—XX вв.

В кратком Введении Н.А. Кожевникова представляет свой объект — те типы повествования, которые отмечены печатью

"субъективности", т.е. организованы точкой зрения Я автора, Я рассказчика и Я персонажа; показывает научный контекст своего исследования и формулирует свои основные задачи — "охарактеризовать основные типы повествования, показать их судьбу в литературе XIX—XX вв. и описать некоторые типы текстов, характерные для этого времени" (с. 12).

Первая глава посвящена фигуре рассказчика, речевым средствам, создающим план рассказчика, а также основным направлениям эволюции сказа. Одним из способов обнаружения Я рассказчика оказывается адресованность повествования, его обращенность к Ты/Вы читателя, и поэтому Н.А. Кожевникова особое внимание уделяет отношениям между автором и читателем, между говорящим и слушающим. На фоне отношений между говорящим и слушающим рассматривается такая форма повествования, как сказ. Н.А. Кожевникова показывает, что сказ является диалогически обусловленным типом повествования не только потому, что ориентирован на устную форму речи, но и потому, что предполагает фигуру слушающего. Движущей силой эволюции сказа стала конкуренция разговорного и книжного начал: «история сказа — это движение от книжности к разговорности, которое в конечном итоге приводит к тому, что устная речь начинает передаваться сплошной "материей говорения"» (с. 49—50). Рассмотрев языковые средства оформления сказа, Н.А. Кожевникова анализирует конкретные примеры собственно сказа и "сказоподобные формы". "отличающиеся от сказа отсутствием конкретного рассказчика" (с. 64), и показывает, что (1) "сказ становится одним из источников несобственно-авторского повествования"; (2) "от сказа отвлекаются отдельные сигналы устной речи, имитирующие адресованную форму повествования..." (с. 72).

Вторая глава посвящена субъективному авторскому повествованию, приемам обнаружения авторского Я и их эволюции в русской литературе XIX—XX вв. В этой главе прослеживается взаимодействие между типом повествования и коммуникативным типом речи (собственно повествованием, описанием, рассуждением): они оказываются в разной степени проницаемыми для субъективного авторского Я. Приемы "субъективного авторского речеведения" описываются на фоне отношений (а) между автором и читателем и (б) между автором и персонажем. Исследуя отношения между планом автора и планом персонажа "по вертикали" (в диахронии), Н.А. Кожевникова приходит к выводу о том, что развитие субъективного авторского пове-

ствования проходило в связи с действием принципа субъектной многоплановости восприятия действительности.

Третья, наиболее объемная глава посвящена плану персонажа, способам передачи точки зрения персонажа и точки зрения автора, приемам разграничения своего и чужого слова. В главе рассматриваются такие способы оформления чужого слова, как прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь, а также виды их взаимодействия и их вариантность. Точка зрения персонажа может быть выражена не только словом персонажа, но и словом автора, обнаруживающим связь с конкретной пространственно-временной точкой, совпадающей с хронотопом персонажа, или указывающим на героя как субъекта мнения, знания/незнания и оценки. Элементы плана персонажа, растворенные в авторском повествовании, формируют особый тип повествования — несобственно-авторское повествование.

Последняя глава представляет тип повествования как строевой элемент художественного целого. Тип повествования оказывается соотносимым с делением текста на повествование (собственно повествование), описание, рассуждение. При этом Н.А. Кожевникову интересуют способы взаимодействия разных точек зрения при изображении одного и того же фрагмента художественной действительности. Художественное целое включает в свою структуру и заглавие, поэтому последний раздел своей книги Н.А. Кожевникова посвящает заглавию как ограждению точки зрения конкретного Я в структуре образа автора.

В Заключении подводятся итоги исследования, еще раз формулируются выявленные закономерности.

Рецензируемая книга Н.А. Кожевниковой заслуживает самого пристального внимания филологов: в ней читатель найдет тонкий анализ художественных текстов, оригинальные интерпретации языковых структур, тщательное описание собранного автором литературного материала. Новая книга Н.А. Кожевниковой нужна не только специалистам, изучающим язык художественной прозы, но и современной лингвистике, которая признала своим объектом "нарративный текст", коммуникативной грамматике, в основе которой — теория коммуникативных регистров [Золотова 1982] и идея субъектной перспективы высказывания [Онипенко 1985; 1994], когнитивной лингвистике, изучающей русскую языковую картину мира. Однако, с точки зрения специалистов, работающих в этих лингвистических "областях", работе Н.А. Кожевниковой недостает полноты исчисления

языковых средств обнаружения Я конкретного повествования. Выявлены и описаны эгоцентрические языковые средства не только на уровне лексики (например [Яковлева 1992; 1994]), но и на уровне грамматики [Апресян 1986; Падучева 1991]; исследованы возможности взаимодействия внутренней и внешней точек зрения говорящего [Булыгина 1990; Золотова 1991], обнаружены способы противопоставления Я говорящего и Ты слушающего [Пеньковский 1989], способы соединения точек зрения Я говорящего и Ты слушающего [Шмелев А. 1991]. Собранный Н.А. Кожевниковой материал позволяет увидеть тенденции в развитии и взаимодействии типов повествования, выявить и сформулировать общие закономерности литературного процесса, обнаружить работу "метатекстовых" средств в художественном целом литературного произведения. Увидеть все эти достоинства книги Н.А. Кожевниковой можно лишь на общелингвистическом фоне, учитывая результаты лингвистических исследований последней трети XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1986 — Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.
- Булыгина Г.В. 1990 — Я, ты и другие в русской грамматике // *Res philologica*. М., 1990.
- Виноградов В.В. 1971 — О теории художественной речи. М., 1971.
- Золотова Г.А. 1982 — Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А. 1991 — Субъективные модификации русского предложения // *Sagner slavistische Sammlung*. Bd 17. München, 1991.
- Иванчикова Е.А. 1992 — Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность. Красноярск, 1992.
- Лихачев Д.С. 1971 — О теме этой книги // В.В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971.
- Онищенко Н.К. 1985 — О субъектной перспективе каузативных конструкций // ВЯ. 1985. № 2.
- Онищенко Н.К. 1994 — Идея субъектной перспективы в русской грамматике // *Русистика сегодня*. 1994. № 3.
- Падучева Е.В. 1991 — Говорящий: субъект речи и субъект сознания // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991.
- Пеньковский А.Б. 1989 — О семантической категории "чуждости" в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.
- Степанов Ю.С. 1981 — Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Шмелев А.Д. 1991 — Референциальные значения в поэтическом тексте // *Поэтика и стилистика*. 1988—1990. М., 1991.
- Яковлева Е.С. 1992 — Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Автореф. докт. дис... М., 1991.
- Яковлева Е.С. 1994 — Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.

Н.К. Онищенко

А.Д. Дуличенко. Русский язык конца XX столетия. München. 1994. 347 с.

Процессы, происходящие в русском языке наших дней, привлекают к себе пристальное внимание исследователей. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в научной периодике — например, в журналах "Русская речь", "Русский язык в школе", "Русский язык за рубежом", "Русистика" (Берлин) и др., конференции по актуальным вопросам русистики.

В рецензируемой книге проф. Тартуского университета А.Д. Дуличенко эти процессы исследуются, как выражается сам автор, "по горячим следам": он фиксирует те изменения и новшества в русском языке, которые возникают буквально на наших глазах. В этой сиюминутности, внимании к сегодняшнему дню русской языковой действительности —

одно из основных достоинств работы А.Д. Дуличенко.

Особенно много места уделено в книге языковым явлениям, характерным для периода перестройки (1986—1991 гг.). Автор анализирует "лексические доминанты перестройки" (гл. II) — парадигматические и синтагматические связи таких слов, как *перестройка* (А.Д. Дуличенко называет его "суперсловом политического языка конца XX столетия"), *гласность*, *демократия*, *демократизация*, *застой*, — "смену лексических парадигм" (гл. III): здесь наиболее характерны процессы десоветизации и деидеологизации лексики; новшества в области административно-территориальной номенклатуры, в речевом этикете. С беспокойством отмечает автор "сра-